

LITERATURE OF THE EAST

Theory of literature. Textology

ЛИТЕРАТУРА ВОСТОКА

Теория литературы. Текстология

Научная статья Филологические науки
УДК 82'04[94(595+470.41)+28](1854/1880)+(=811.621.251=161.1)
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-489-503>

Рассказы о паломничестве на рубеже двух эпох (путевые записки Шихабуддина Марджани и Абдуллаха Мунши)

Любовь Витальевна Горяева

*Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
goriaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>*

Аннотация. В статье рассказывается о паломничестве в Мекку двух выдающихся деятелей – малайского писателя, издателя и педагога Абдуллаха Мунши (1796/7–1854) и татарского богослова и просветителя Шихабуддина Марджани (1818–1889). Их путевые записки о хадже, датированные 1854 и 1880 гг. соответственно, позволяют выявить как черты общности их воззрений и интересов, так и несходство культурного и конфессионального контекста, в рамках которого они жили и работали. Для мусульман островной Юго-Восточной Азии равной проблемой было как постижение тонкостей арабского языка, понимание смыслов Корана – так и владение малайским литературным языком. Отсутствовали школы, где бы преподавались оба эти предмета, где религиозная проповедь шла бы рука об руку с изучением светских дисциплин и достижений современной науки, подобно тому, как это практиковалось в так называемых «новометодных» медресе Российской империи конца XIX – начала XX в., провозвестником которых выступал Марджани. Вплоть до настоящего времени в малайском мире ситуация не изменилась: «либеральному» исламу противопоставлен «буквальный», с присущим ему ригоризмом ближневосточного образца.

Ключевые слова: малайская литература; паломничество в Мекку; травелог; Шихабуддин Марджани; Абдуллах Мунши; просветительство; мусульманское образование

Благодарности: выражаю искреннюю благодарность Государственному бюджетному учреждению культуры «Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан» (Казань) за возможность публикации в статье цифрового цветного изображения произведения Федорова В. К. «Портрет Шихабуддина Марджани».

Для цитирования: Горяева Л. В. Рассказы о паломничестве на рубеже двух эпох (путевые записки Шихабуддина Марджани и Абдуллаха Мунши). *Ориенталистика*. 2021;4(2):489–503. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-489-503>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

Philological studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-489-503>

Pilgrimage Stories at the turn of two eras (travel diaries by Shikhabuddin Marjani and Abdullah Munshi)

Lubov V. Gorjaeva*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, gorjaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>*

Abstract. The article deals with pilgrimage stories of two prominent Islamic figures, the Malay writer, publisher and teacher Abdullah Munshi (1796/7–1854) and the Tatar theologian and educator Shihabuddin Mardjani (1818–1889). Their *Hajj* travel diaries dating respectively from 1854 and 1880 allow us to reveal the kinship of their views and interests and the dissimilarity of the cultural and confessional contexts in which they lived and worked. For the Muslims of insular Southeast Asia, an equal problem was both comprehension of the subtleties of the Arabic language, understanding the meanings of the Koran – and mastery of the Malay literary language. There were no schools where both of these subjects would be taught, where religious preaching would go hand in hand with the study of secular disciplines and the achievements of modern science, just as it was practised in the so-called “new method” madrasahs of the Russian Empire at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries, the herald of which was Shihabuddin Mardjani. Until now, the situation in the Malay world has not changed: the “liberal” Islam is opposed to the “literal” Islam, with its inherent rigorism of the Middle Eastern type.

Keywords: Literature, Malay; Mecca, pilgrimage to; travelogue; Shihabuddin Mardjani (1818–1889); Abdullah Munshi (1796/7–1854); enlightenment, Islam, education in

Acknowledgments. I am grateful to the State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan (Kazan) for the kind permission to publish the digital copy of the portrait of Shigabutdin Marjani by V. K. Fedorov preserved there.

For citation: Gorjaeva L. V. Pilgrimage Stories at the turn of two eras (travel diaries by Shikhabuddin Marjani and Abdullah Munshi). *Orientalistica*. 2021;4(2):489–503. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-489-503>.

Введение. Два паломника и их путевые дневники

Сфера научных интересов автора этой статьи охватывает по преимуществу крайний юго-восток мусульманского мира: регион Малайско-го архипелага. В последние годы в центре моего внимания оказались сочинения малайского писателя Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши (1796/7–1854), традиционно именуемого «отцом малайской литературы Нового времени». Это его мемуары «История Абдуллаха» [1], а также незавершенные записки о паломничестве автора в Мекку, опубликованные после его внезапной кончины, постигшей писателя во время хаджа, и впоследствии неоднократно переиздававшиеся [2; 3; 4]. Литературные достоинства его посмертного сочинения и их документальная ценность

вызвали интерес европейских малайстов, выполнивших переводы памятника на голландский, английский и французский языки [5; 6; 7]. В 2016 г. мною был опубликован его русский перевод [8].

Именно эти записки, думаю, позволяют понять особенности личности Абдуллаха как мусульманина. Потомок выходцев из Йемена, в чьих жилах текла также тамильская и малайская кровь, будущий писатель обучался в коранической школе, затем совершенствовал свои знания под руководством прибывших в Малакку арабских наставников: йеменского знатока Корана муаллима Мухйиддина и богослова саййида Шейха бин Алви. Арабский язык, наряду с малайским и тамильским, был для Абдуллаха родным. Его знакомство с письменной традицией отнюдь не ограничивалось текстами религиозного характера. Писатель в совершенстве владел приемами классического малайского нарратива, что ярко проявилось как в его мемуарах, так и в его посмертном травелоге.

Многолетнее сотрудничество Абдуллаха в качестве переводчика, редактора и типографа с британскими миссионерами, проповедниками христианства на Востоке, смущало соотечественников-единоверцев, давших ему за это пренебрежительное прозвище Абдуллах-пастор. На самом же деле писатель оставался верным исламу всю свою жизнь, а на пороге шестидесятилетия принял решение совершить хадж в Мекку. Предвидя опасности дальнего пути, накануне отплытия в январе 1854 г. Абдуллах составил завещание [9]. По пути в Мекку ему пришлось преодолеть немало трудностей, а по прибытии к цели своего путешествия писатель тяжело заболел и умер. Местом его последнего упокоения стало, по всей вероятности, одно из мекканских кладбищ.

Путевые записки Абдуллаха были доставлены его родным, а позднее переданы для публикации издателю альманаха *Cermin Mata* – протестантскому миссионеру, преподобному Бенджамину Кисберри (1811–1875) [10]. Спустя четыре года «Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку» появился на страницах альманаха [2]. В результате редакторской

Рис. 1. Портрет Абдуллаха Мунши.

Источники: <http://sastra-inspirasi.blogspot.com/2016/11/abdullah-bin-abdulkadir-munsi.html>

Fig. 1. Portrait of Abdullah Munshi.

Source: <http://sastra-inspirasi.blogspot.com/2016/11/abdullah-bin-abdulkadir-munsi.html>

правки из текста был изъят целый ряд фрагментов – упоминания имени Аллаха, мусульманских ритуалов и молитв, а также рисунки автора. Впрочем, все купюры, за исключением иллюстраций, были восстановлены в позднейших изданиях памятника.

Яркий и подробный рассказ о паломничестве малайского писателя в Мекку сам по себе представляет значительный интерес – не только как документ, но и как литературное сочинение.

Однако автору этих строк удалось ознакомиться с еще одной историей хаджа, также состоявшегося во второй половине XIX в. Это паломнический дневник виднейшего татарского ученого, религиозного философа и просветителя Шихабуддина Марджани (1818–1889)¹. Как и Абдуллах, в путешествие он отправился на склоне лет и накануне отъезда также составил завещание [9]. Несмотря на относительную краткость записок Марджани, в его путевом дневнике отмечены все наиболее важные для автора события.

Сравнение двух этих памятников позволило выявить черты общности и различия как самих их

Рис. 2. Федоров В. К. Портрет Шигабутдина Марджани. 1989 Холст, масло. 100 × 55. © ГМИИ РТ, Казань

Fig. 2. Fedorov V. K. Portrait of Shigabutdin Marjani. 1989. Oil on canvas. 100 × 55.

© SMFA RT, Kazan

Просматривайте «оживающие» фотографии с эффектом «дополненной реальности». Наведите камеру вашего гаджета на QR-код. Кроме устройств, поддерживающих мобильную операционную систему iOS 14.0, Android 6.0 (и выше), потребуется установить бесплатное приложение Меморис в App Store или Google Play. После загрузки видеоконтента из сети Интернет направьте камеру на обложку журнала и иллюстрации, отмеченные специальным значком Меморис.

View the «come to life» photos with the «augmented reality» effect. Point the camera of your gadget at the QR code. In addition to devices supporting the mobile operating system iOS 14.0, Android 6.0 (and higher), you will need to install the free Memories application in the App Store or Google Play. After downloading video content from the Internet, point the camera at the cover of the journal and the illustrations marked with a special Memories icon.

¹ См.: <https://posredi.ru/blizhnij-vostok-glazami-palomnika-zapiski-mardzhani.html>

авторов, так и существовавшей полтора века назад практики паломничества в Мекку – из России и из Сингапура. Для удобства сопоставления эти данные представлены в виде таблицы. Далее они будут откомментированы более подробно.

<i>Абдуллах Мунши (1796/7–1854)</i>	<i>Шихабуддин Марджани (1818–1889)</i>
Автор мемуаров и двух травелогов. Просветитель, педагог, переводчик, издатель, типограф	Автор религиозно-философских трудов. Просветитель, педагог
Статус: неизвестный паломник с периферии исламского мира	Статус: известный в исламском мире автор-богослов
Рассказ о хадже подробный и литературный	Рассказ о хадже очень лапидарный
В первом издании были изъяты пассажи мусульманского характера и рисунки, сделанные самим автором	Записки аутентичны и не редактировались при издании
За 11 дней до отплытия, 16.01.1854, автор составил завещание	Перед отъездом, 5.09.1880, автор составил завещание
Преподавал в школах, основанных британскими миссионерами	Преподавал в медресе. Был имамом 1-й Казанской мечети
Все его сочинения написаны по-малайски и недоступны для читателя, не владеющего этим языком	Писал по-арабски и по-татарски . Взял с собой в хадж в основном те свои сочинения , что написаны по-арабски
Сторонник изучения малайского литературного наследия в светских школах для малайцев. Пропагандировал европейское просвещение, изучение достижений науки	Сторонник обновления мусульманского образования, изучения русского языка и достижений европейской науки в татарских школах. В споре науки с шариатом был на стороне науки
Задача: совершить хадж , а затем повидать главную исламскую столицу – Стамбул	Задачи: совершить хадж , ознакомить турок и арабов с состоянием исламского богословия в России
Обстоятельства путешествия по морю и по суше весьма драматичны (штормы, течения, эпидемия оспы на корабле)	Обстоятельства путешествия по морю и по суше описаны лапидарно, они прошли без приключений
Маршрут автора пролегал по периферии исламского мира (юго-запад Индии). Городские мечети , обычаи и занятия местного населения. Остров Сокотра, Баб-эль-Мандебский пролив	Маршрут автора пролегал через столицу исламского мира – Стамбул. Посещение мечетей . Знакомство с духовной и светской элитой. Визит на броненосец «Масудия»
Прибытие на Аравийский полуостров в Моху . Молитва у мавзолеев саййидов ² , посещение мечети, пятничная молитва в Ходейде. В Джидде визит к шейху Абдул Гаффару. Посещение могилы Хаввы	Прибытие на Аравийский полуостров в Янбу . Отъезд в Медину с караваном верблюдов. Болезнь. Посещение мечети Пророка. У колодца хазрата Османа отдых. Осмотр Медины. Пятничная молитва

² Саййиды – потомки Хасана и Хусейна, сыновей четвертого «праведного» халифа Али.

Облаченные в ихрам ³ шейх хаджи Адам и Абдуллах прибывают в Мекку на рассвете 9.V.1854. Последние стихи [...] Внезапная кончина Абдуллаха	В месте Зу-л-Хулейфа Марджани и его спутники облачились в ихрам . В среду 29.X.1880 вступили в Мекку. [...] 10.XI паломники сняли ихрам
<i>Задуманная поездка в Стамбул не состоялась</i>	<i>Возвращение в Россию через Стамбул</i>

Абдуллах и Марджани о вызовах нового времени

Сравнивая записки обоих авторов, обнаруживаешь существенную разницу в их статусе. Марджани – известное лицо в среде российских мусульман, он отправляется в дорогу, сопровождаемый двумя спутниками (Фаизалахом и Зайналлахом, поначалу в тексте не поименованными). Целью его путешествия был не только хадж как таковой: известный в исламских кругах паломник выполнял и своего рода дипломатическую задачу. Его встречи с высшим чиновничеством и мусульманскими авторитетами Османской империи проходили на равных и, судя по запискам, призваны были информировать собеседников Марджани о развитии мусульманского богословия и образования в современной ему России. Во время одной из стамбульских встреч Марджани поведал своим новым знакомым о системе обучения в мусульманских школах на его родине, об уровне знаний шакирдов. При этом он посетовал на недостаточную распространенность прикладных наук и добавил, что те, которые все же предусмотрены программой, преподаются без всякой системы и связи с практикой.

Как известно, Марджани отнюдь не противопоставлял ислам современной науке. Человек энциклопедических знаний и интересов, он был предтечей джадидизма – обновленческого течения в исламе, идеологом которого выступил крымско-татарский просветитель Исмаил Гаспринский (1851–1914). Неудивительно, что своими соображениями, касающимися, в частности, вопросов образования, Марджани стремился поделиться с кругом своих стамбульских коллег.

В отличие от Марджани, Абдуллаху во время его странствия не довелось встретить людей, сколько-нибудь близких ему по роду занятий и интересам, с кем он, в частности, мог бы поделиться сходными мыслями о значении европейского образования для молодого поколения. Впрочем, об этом Абдуллах писал еще за сорок лет до Марджани и за десять с лишним лет до своего хаджа:

Неужели нынешним детям изучение наук и ремесел, которые их предкам были незнакомы, пойдет во вред? Полагаю, что, если прадеды наши

³ Ихрам – первое действие ритуальных обрядов для лица, совершающего хадж. Паломник оказывается в состоянии ихрама после надевания ритуальной одежды и принятия намерения совершить хадж. Место ихрама для паломников, прибывающих из Медины, – Зу-л-Хулейфа, а для прибывающих из Йемена – Ялямям.

были мудры, учены и добродетельны, их правнукам негоже быть ту-пицами, неучами и лиходеями. [...] Однако, судя по всему, люди довольны нынешним положением вещей, не тянутся к знанию и не стремятся постичь науки и освоить новые ремесла. Уподоблю их лягушке, укрывшейся под скорлупой кокосового ореха и полагающей, что над ней небосвод. Сколь же неразумны они: [...] видя воочию великие достижения современной науки и сотворенные человеком чудесные вещи, удивляющие, восхищающие и радующие всех, сами они не готовы двинуться с места [1, с. 352].

Путь в Мекку. Возвращение Марджани на родину

Путешествие Марджани было достаточно комфортабельным: он и его спутники от Казани до Нижнего Новгорода ехали пароходом, затем пересели на поезд до Одессы, а оттуда – снова пароходом – добрались до Стамбула. Проведя в столице Османской империи две недели, Марджани отплыл в Измир и Александрию, посетил Каир, затем по железной дороге двинулся в Суэц и там сел на пароход до Янбу, куда обычно прибывали мусульманские паломники, едущие с севера.

Абдуллах по своему статусу был человеком куда более скромным и не столь известным. Судя по запискам, в хадж он отправился без какого-либо сопровождения. Редкие «мы», встречающиеся в тексте записок, относятся, как правило, к его случайным спутникам по плаванию – менее благоустроенному и безопасному, чем плавание Марджани. Пересадка с корабля, пришедшего из Сингапура, на корабль, следующий в Джидду, состоялась в Алфиахе (совр. Алеппи, ю.-з. полуострова Индостан), с остановкой в Каликуте⁴, где судно должно было взять на борт еще одну партию паломников. Нравы и обычаи индийцев (отнодь не только мусульман) существенно отличались от привычного для Абдуллаха образа жизни жителей Сингапура и Малакки и заслужили весьма критическую оценку путешественника. Автор записок не мог не быть шокирован, оказавшись в краю, где нищенство является массовым, морской берег служит отхожим местом, и где женщины, не ведая стыда, ходят обнаженными по поясу.

Драматичны были и обстоятельства плавания писателя от Индии к Аравии. На переполненном корабле обнаружились больные оспой, к тому же жестокая буря позволила судну лишь со второй попытки пройти Баб-эль-Мандебский пролив и оказаться в Красном море. По пути к конечному пункту путешествия, Джидде, были сделаны остановки в Мохе и Ходейде. Абдуллах живо интересовался обычаями незнакомого для него края и описал некоторые подробности быта местных жителей, а также не преминул посетить и местные мечети. В отличие от Марджани, весьма

⁴ Современное название Кожикоде (കോഴിക്കോട്), находится на западном побережье полуострова Индостан.

довольного всем увиденным на пути из Стамбула до Янбу, Абдуллах был неприятно удивлен упадком прежде процветавших городов юго-западных областей Аравийского полуострова:

В прежние времена город Моха славился среди прочих городов здешнего края, он процветал, и жизнь в нем кипела, много было здесь и купцов, и людей богатых. [...] Десятки судов стояли в порту, сотни отправлялись в плавание. От множества пешеходов на улицах было не протолкнуться, царило всеобщее оживление, но волею Аллаха город этот был обречен на гибель. С гор спустились бедуины, числом в пятнадцать или шестнадцать тысяч, и начались разбои и грабежи. Турки оказали вооруженное сопротивление, и перестреляли несколько тысяч человек. Бедуины же, собрав тела погибших товарищей, сложили из них лестницу, чтобы перебраться через городскую стену. Турки отстреливались из ружей, у иных выстрелами сносило головы, но лестница оставалась на месте. Проникнув в город, бедуины крушили все вокруг, турки были перебиты, но кое-кому удалось спастись бегством. Моха была захвачена и разорена, дома разрушены, а все богатства и имущество разграблены.

Обнищавшие жители города разбрелись – кто в Аден, кто в Ходейду, кто в Забид, в Байт Факих, в Тарим и прочие города. Безмолвие воцарилось в Мохе. Брошенные дома, где давно уже никто не жил, разрушались и гибли. Такова история о гибели этого города [8, с. 16–17].

Своего рода кульминацией рассказа о превратностях плавания Абдуллаха является эпизод прибытия его судна в Джидду, откуда путь паломника пролегал уже по суше. Первая встреча Абдуллаха с представителем турецкой администрации не требует комментариев:

Тем временем с берега приплыла лодка, а в ней турок, ведавший морскими делами, и с ним солдат в полной воинской униформе. Он поднялся на борт и уселся рядом с капитаном, беседуя и наблюдая, как я рисую. Потом он подошел посмотреть и спросил: «А это что за человек?» Капитан все рассказал ему про меня, и тот заметил: «Если паша узнает, что он умеет рисовать карты – непременно заберет его к себе». Капитан сказал: «Он прибыл сюда, чтобы совершить хадж» [8, с. 19].

Наконец всем прибывшим в Джидду удалось с грехом пополам добраться до таможни:

Там оказалось полным-полно соглядатаев и охраны, были там и двое турок с писарями и вооруженными солдатами. Казалось, словно на дворе война: грузы были навалены кучами, каждый искал свое, потому что вещи лежали кое-как, вперемешку. Одни были повреждены, другие пропали, третьи попали в чужие руки. Аллах ведает, как трудно всем пришлось, люди копошились, словно муравьи: только отвернешься – а вещь исчезла. Вокруг толпились сотни кули. Они подхватывали какой-нибудь груз и подносили его к сборщику пошлин. Если сундук открывался с трудом, его взламывали, резали бечеву на тюках, грубо разрывали упаковку, и слова

им на это не скажи – что хотели, то и делали. Объявляли: «За это плати столько-то, за это – столько-то». Как они скажут, так и должно быть. За одежду, что была на человеке, они иногда требовали пошлину, а иногда не требовали. Делай, как они скажут, и не задавай вопросов, не проси ни о чем и не пытайся узнать, как положено по обычаю. Ничего нельзя было понять. Ящички с принадлежностями для письма взламывались, переворачивались, чернила разливались из чернильниц, и много бумаги от этого пострадало, потому что слишком много людей зараз проходило досмотр.

Когда с этой напастью было покончено, пропавшие вещи так и остались пропавшими, а сломанные сломанными, люди подхватили свое имущество и разошлись кто куда [8, с. 19–20].

Понятно, что Шихабуддину Марджани – лицу, пользующемуся уважением в исламском мире и имевшему доступ в самые высокие сферы Османской империи, ни с чем подобным столкнуться не пришлось. Стоило ему занемочь на пути из Ямбу в Медину, как его спутники из числа местных жителей поспешили на помощь и на носилках доставили до дома (такья)⁵, построенного в Медине одним из богатейших казанских купцов, ученым суфием – хаджи Курбан Гали⁶. Можно только гадать, был ли обеспечен столь же внимательный уход Абдуллаху, которому, к несчастью, суждено было заболеть и скончаться на священной для мусульман земле...

Миновав таможду, Абдуллах встретил в Джидде дружеский прием шейха Абдул Гаффара, уже осведомленного письмом о его скором прибытии из Сингапура. Шейх предлагает:

«Здесь тебе положена хавала⁷, можешь взять столько, сколько тебе нужно». Я сказал: «Спасибо, и да благословит Аллах саййида Абу Бакра Машхура за его готовность помочь мне – я на это не мог и рассчитывать. Сейчас при мне есть немного денег, и больше мне не надо. Но если, по милости Аллаха, после посещения Мекки окажется, что мои средства на исходе, я сообщу вам об этом письмом» [8, с. 20].

Назавтра, в пятницу, Абдуллах отправился поклониться могиле Хаввы (Евы), а последующие дни посвятил осмотру Джидды. Восхищение писателя вызвало оживление, царящее в этом городе – средоточии коммерческой жизни региона:

Я убедился, что в Джидде жизнь бьет ключом, сюда приплывает множество кораблей и стягивается народ со всех концов света. Торговой братии и заезжих купцов здесь целые толпы. Какого только рода-племени не встретишь тут! [8, с. 20]

⁵ Такья – стоянка. В тасаввуфе (суфизме) место собрания людей (вне мечетей), напряженно занимающихся духовной практикой, а также для преподавания и обучения.

⁶ Его полное имя – Курбан Али б. Муртада б. Исмаил б. Йусуф б. Бурнай (ум. в 1853/54).

⁷ Хавала (араб. حوالة «передача») – система финансовых взаимозачетов, используемая на Среднем Востоке, в Африке и в Азии на основе доверия и неформальных связей между родственниками или земляками.

Записки Абдуллаха завершаются кратким сообщением о его прибытии в Мекку и следующими стихами:

*Войдя в сей благодатный край, забыл
Я все мирские радости и наслажденья,
как будто рай открылся мне всецело.
Хвалю Всевышнего тысячекратно!
Ушли из памяти превратности пути,
Ведь я достиг обители Аллаха –
той, о которой много дней мечтал! [8, с. 21]*

Обстоятельства посещения Мекки остались, по понятной причине, за пределами повествования малайского писателя. Что касается Марджани, то он четко обозначил дату своего вступления в священный город, а затем подробно рассказал об увиденном там и сообщил, что он и его спутники благополучно исполнили все необходимые обряды. Во время пребывания в Мекке с ним искали встречи такие уважаемые в мусульманском мире персоны, как Мухаммад бин Али бин Ибрахим ан-Назили, Рахматаллах бин Халил ар-Рахман ал-Хинди, Мухаммад бин Ахмад ал-Коньяви, которым Марджани дарил свои богословские сочинения. На обратном пути до Казани путешествие протекало без приключений.

Очевидно, что записки Марджани более лапидарны, а само его паломничество предстает куда более благополучным (и безопасным) предприятием, нежели хадж Абдуллаха. Трудности, с которыми столкнулся малайский писатель во время плавания, были типичны для всех, кто отправлялся в Мекку из Юго-Восточной Азии. Угрозу представляли не только морские бури и противные ветры на пути следования, но и моровые поветрия, одно из которых стало для Абдуллаха роковым. Известно, например, что в 1849 г. на одном из кораблей, везшем паломников обратно из Джидды в Сингапур, из 520 пассажиров от эпидемии скончались 83 человека. Скученность, неизбежная на судах, совершавших рейсы по этому маршруту, создавала для этого весьма благоприятные условия [11, с. 86–87]. Правда, и Марджани вкратце упоминает, что уже во время возвращения в Россию в измирском порту был объявлен карантин, так как были обнаружены заболевшие на пришвартованном там английском корабле. Но, как отмечает автор записок, для пассажиров его судна это не имело последствий, и спустя 48 часов их плавание благополучно продолжилось.

Разумеется, далеко не все паломники из России добирались до Мекки и обратно с таким же комфортом. Существовали другие маршруты – через Закавказье и Персию или же через Среднюю Азию, Афганистан и Бомбей (далее – морем, как и Абдуллах) [12, с. 96–98]. Избравших этот последний маршрут ждали примерно те же опасности и невзгоды, что и малайского писателя на его пути из Индии в Джидду. Это было чревато и эпидемиями, о которых также свидетельствуют источники.

Языки – арабский и родной. Проблемы образования

Главное различие между обстоятельствами хаджа двух паломников заключалось не только в статусе каждого из них. Для Марджани все города Османской империи, лежащие на его пути в Мекку и принадлежащие к миру ислама, были культурно близки. Его богословские сочинения по большей части были написаны на арабском, реже – на татарском языке. Когда по пути в Мекку саййид Аун бин Мухаммад бин Аун спросил о причине этого, Марджани ответил: «Наши ученые и шакирды знают арабский язык. Поэтому если [наши] книги попадут в чужие страны, то там при желании с ними смогут ознакомиться». Задачей Марджани было показать: мусульманские области России – отнюдь не периферия исламского мира, и уровень духовной культуры там весьма высок.

На родине Абдуллаха Мунши все обстояло иначе. Едва ли можно сравнить мусульманские образовательные учреждения России, о которых рассказывал своим коллегам Марджани, с кораническими школами, существовавшими в то время в малайском мире. Главным предметом в этих школах был арабский язык, однако на деле все ограничивалось начетничеством: понимание тонкостей Корана было недоступно как для учеников, так и для большинства верующих мусульман. Исправить положение отчасти помогали лишь редкие гости – заезжие наставники-богословы из Хадрамаута, однако число их слушателей в Малакке обычно не превышало пяти-шести десятков человек [1, с. 38–39]. Малайский же язык оставался языком устной речи и практической жизни, но отнюдь не учебной дисциплиной в школах. Писатель решительно выступал против сложившегося положения:

Все народы на свете учат свои языки – за исключением малайцев. И говорят при этом: «К чему учить собственный язык? От арабского куда больше пользы и в сем мире, и в загробном». Верно, но я спрашиваю себя: как можно постичь чужой язык, если прежде не изучишь собственный? Они говорят по-малайски, торгуют и ведут переписку на малайском языке. Мне не случалось видеть, чтобы малаец, представитель какого-то местного меньшинства или же иностранец пользовался арабским языком в деловых целях: при ведении торговых дел, составлении финансовых расчетов, при переписке – у каждого в ходу его родной язык, за исключением случаев, когда он молится [1, с. 40].

По свидетельству Абдуллаха, о необходимости преподавания малайцам в школах их родного языка он впервые услышал из уст британца – знаменитого колониального администратора, основателя Сингапура Стэмфорда Раффлза (1781–1826). Посетив вместе с Абдуллахом местную кораническую школу и убедившись в пренебрежении малайцев к их родному языку, Раффлз объявляет своему юному спутнику:

Если проживу долго, открою школу, где будут изучать малайский язык. Досада меня берет, ведь этот язык так благозвучен и необходим в жизни [1, с. 69].

Все последующие годы Абдуллах стремился вернуть малайскому языку его прежний, «литературный» статус. Под его редакцией были изданы «Малайские родословия»⁸, призванные напомнить соотечественникам о былой славе их страны и одновременно дать высокий образец литературного слога. При непосредственном участии Абдуллаха, переводчика, редактора и типографа, появлялись первые печатные издания на малайском языке. Их инициаторами выступали миссионеры-протестанты, которые ставили перед собой не только прозелитическую, но и просветительскую задачу. Круг тем, о которых писалось по-малайски, мало-помалу становился шире и отнюдь не ограничивался христианской тематикой. В своих научно-популярных брошюрах Абдуллах показывал, как можно на его родном языке рассказывать об устройстве мироздания и достижениях современной цивилизации, расширять кругозор читателей [13, с. 56].

Заключение. На пороге будущего

Отправляясь в свое последнее путешествие, Абдуллах как бы подводил итог всей своей жизни. Начав ее юным воспитанником коранической школы, он завершал земной путь паломничеством в Мекку и мечтал по завершении хаджа посетить столицу исламского мира – Стамбул. Одновременно он, как и Марджани, был готов откликнуться на требования эпохи и понимал значение европейского просвещения для молодежи своей страны, не противопоставляя его мусульманскому образованию. К сожалению, во времена Абдуллаха на его родине ничего подобного основанным И. Га-спринским джадидистским (новометодным) школам, существовавшим в России с 80-х гг. XIX в. до начала XX в., встретить было нельзя.

И ныне, в эпоху глобализации, в Индонезии и Малайзии не стихает полемика между так называемым либеральным (умеренным) и «буквальным» исламом (Islam liberal / Islam literal), также именуемыми «инклюзивным» и «эксклюзивным» соответственно [14]. Религиозной толерантности и открытости, искони присущим народам островной Юго-Восточной Азии, здесь противостоит мусульманский ригоризм ближневосточного образца, где идеалом предстает мединское общество VII в., а вероучительные школы (pesantren) нередко становятся «кузницей кадров» для исламских движений экстремистского толка [11, с. 86].

И Абдуллах как писатель, и Марджани как богослов и просветитель были яркими представителями Нового времени, готовыми встретить его во всеоружии, не поступаясь при этом верой отцов. Идеи каждого из двух паломников, столь схожих и несхожих между собой, и поныне остаются неотъемлемой частью исламского и общекультурного дискурса у них на родине, в двух далеких друг от друга краях мусульманской ойкумены.

⁸ «Малайские родословия» (Sulalatus'salatin, тж. Sejarah Melayu) – историко-литературный памятник средневековой Малайи. Абдуллах был первым публикатором его краткой версии (1840).

Литература

1. Hikayat Abdullah. *Karangan Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi*. Dikaji dan diperkenalkan oleh Kassim Ahmad. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan; 2008. (На малайск. яз.)

2. *Cermin Mata Bagi Segala Orang Yang Menuntut Pengetahuan (Очки для ищущих знания. Альманах)*. Singapore: [Mission Press]; 1858–1859 (vol. 1, no. 2, June 1858, p. 15–122; vol. 1, no. 3, October 1858, p. 175–183; vol. 2, no. 4, January 1859, p. 59–68). (На малайск. яз.)

3. Kisah pelayaran Abdullah. *Verhaal van de reis van Abdoellah naar Kalantan en van zijne reis naar Djeddah: in het Maleisch*. Abdullah bin Abdul Kadir, Munshi; voor de lithographische pers geschreven en van aanteekeningen voorzien door H. C. Klinkert. Leiden: E. J. Brill; 1889. XII, 107 p. (Титульный лист на голланд. и малайск. яз., текст на малайск. яз.)

4. Pelayaran Abdullah ke Makkah. *Karya Lengkap Abdullah bin Abdulkadir Munsyi*. Disunting oleh Amin Sweeney. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia; École française d'Extrême-Orient; Perpustakaan Nasional RI. Jilid 1, 2005. P. 256–331. (На малайск. яз.)

5. Verhaal eener pelgrimsreis van Singapoera naar Mekah, door Abdoellah bin Abdil Kadir Moensji, gedaan in het jaar 1854. Vertaald door H. C. Klinkert. *Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde*. Journal of the Humanities and Social Sciences of South-east Asia. Vol. XIV. 1867. P. 384–410. (На голланд. яз.)

6. Ché-Ross R. Munshi Abdullah's Voyage to Mecca: A Preliminary Introduction and Annotated Translation. *Indonesia and the Malay World*. 2000;28(81):173–213.

7. Le voyage d'Abdollah ben Abdoulkader de Singapore à Djeddah en 1854. Description des villes d'Alfiah, Calicut, Moka, Hodeidah et Djeddah. Traduit du Malais par A. Mersier. *Bulletin de géographie historique et descriptive*. 1903;(1):373–391.

8. Абдуллах бин Абдулкадир. «Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку». Предисловие, перевод с малайского языка и комментарии Л. В. Горяевой. *Письменные памятники Востока*. 2016;13(4(27)):5–23.

9. Ché-Ross R. The Last Will and Testament of Munshi Abdullah bin Abdul Kadir (1797–1854). *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. 2005;78(2(289)):83–111.

10. Горяева Л. В. Альманах «Очки для ищущих знания» и его место в малайской книжной культуре нового времени. *Studia litterarum*. 2020;5(3):412–425.

11. Aiza Maslan @ Baharudin. Hajj and the Malayan Experience, 1860s–1941. *Kemanusiaan*. 2014;21(2):79–98.

12. *Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь*. Вып. 1. М.: Восточная литература; 1998.

13. Proudfoot I. *Early Malay printed books*. [Kuala Lumpur]: University of Malaya; 1993. 858 p.

14. Lily Zubaidah Rahim. Discursive Contest between Liberal and Literal Islam in Southeast Asia. *Policy and Society*. 2006;25(4):77–98. Available at: [https://doi.org/10.1016/S1449-4035\(06\)70091-1](https://doi.org/10.1016/S1449-4035(06)70091-1). Accessed: 17.04.2021.

References

1. Hikayat Abdullah. *Karangan Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi*. Dikaji dan diperkenalkan oleh Kassim Ahmad. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan; 2008. (In Malay)
2. *Cermin Mata Bagi Segala Orang Yang Menuntut Pengetahuan (Очки для ищущих знания. Альманах)*. Singapore: [Mission Press]; 1858–1859 (vol. 1, no. 2, June 1858, p. 15–122; vol. 1, no. 3, October 1858, p. 175–183; vol. 2, no. 4, January 1859, p. 59–68). (In Malay)
3. Kisah pelayaran Abdullah. *Verhaal van de reis van Abdoellah naar Kalantan en van zijne reis naar Djeddah: in het Maleisch*. Abdullah bin Abdul Kadir, Munshi; voor de lithographische pers geschreven en van aanteekeningen voorzien door H. C. Klinkert. Leiden: E. J. Brill; 1889. XII, 107 p. (Title page in Dutch and Malay, text in Malay)
4. Pelayaran Abdullah ke Makkah. *Karya Lengkap Abdullah bin Abdulkadir Munsyi*. Disunting oleh Amin Sweeney. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia; École française d'Extrême-Orient; Perpustakaan Nasional RI. Jilid 1, 2005, pp. 256–331. (In Malay)
5. Verhaal eener pelgrimsreis van Singapoera naar Mekah, door Abdoellah bin Abdil Kadir Moensji, gedaan in het jaar 1854. Vertaald door H. C. Klinkert. *Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde*. Journal of the Humanities and Social Sciences of South-east Asia. Vol. XIV. 1867, pp. 384–410. (In Dutch)
6. Ché-Ross R. Munshi Abdullah's Voyage to Mecca: A Preliminary Introduction and Annotated Translation. *Indonesia and the Malay World*. 2000;28(81):173–213.
7. Le voyage d'Abdoulah ben Abdoukader de Singapore à Djeddah en 1854. Description des villes d'Alfiah, Calicut, Moka, Hodeidah et Djeddah. Traduit du Malais par A. Mersier. *Bulletin de géographie historique et descriptive*. 1903;(1):373–391. (In French)
8. Abdullah bin Abdulkadir. "The story of Abdullah's voyage from Singapore to Mecca". Foreword, translation from Malay and comments by L. V. Goryaeva. *Written monuments of the East*. 2016;13(4(27)):5–23. (In Russ.)
9. Ché-Ross R. The Last Will and Testament of Munshi Abdullah bin Abdul Kadir (1797–1854). *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. 2005;78(2(289)):83–111.
10. Goryaeva L. V. Almanac "Glasses for those seeking knowledge" and its place in the Malay book culture of modern times. *Studia litterarum*. 2020;5(3):412–425. (In Russ.)
11. Aiza Maslan @ Baharudin. Hajj and the Malayan Experience, 1860s–1941. *Ke-manusiaan*. 2014;21(2):79–98.
12. *Islam in the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary*. Issue 1. Moscow: Vostochnaya literatura; 1998.
13. Proudfoot I. *Early Malay printed books*. [Kuala Lumpur]: University of Malaya; 1993. 858 p.
14. Lily Zubaidah Rahim. Discursive Contest between Liberal and Literal Islam in Southeast Asia. *Policy and Society*. 2006;25(4):77–98. Available at: [https://doi.org/10.1016/S1449-4035\(06\)70091-1](https://doi.org/10.1016/S1449-4035(06)70091-1). Accessed: 17.04.2021.

LITERATURE OF THE EAST

Goriaeva L. V. Pilgrimage Stories at the turn of two eras...
Orientalistica. 2021;4(2):489–503

Информация об авторе

Горяева Любовь Витальевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия.

Information about the author

Liubov V. Goriaeva – Ph. D. (Philol.), Leading research fellow, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 07 апреля 2021
Одобрена после рецензирования: 16 апреля 2021
Принята к публикации: 16 апреля 2021
Опубликована: 29 июня 2021

Article info

Submitted: April 07, 2021
Approved after peer reviewing: April 16, 2021
Accepted for publication: April 16, 2021
Published: June 29, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«*Ориенталистика*» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.